

«Южный край» (Харьков) 1889, 6 декабря № 3070

с. 2-3, 11-12.

ТИШЕВЫЕ ПОТУГИ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО АНАЛИЗА.

Скучная исторія (Изъ записокъ стараго чело-
вѣка). Антоша Чеховъ («Сѣверный Вѣстникъ»,
1889, № 11).

Психологическій анализъ—это влече-
ние, родъ недуга нашихъ молодыхъ
беллетристовъ. И лавры, и примѣръ
Достоевскаго и графа Л. Н. Толстого
дѣйствуютъ на нихъ съ неотразимой
силою, и они безтрепетно стараются
проникнуть въ самыя сокровенныя
глубины человѣческаго сердца. Плоды
такого рода экскурсій бываютъ обы-
кновенно весьма плачевны. Недоста-
токъ внутреннего опыта, слабость вооб-
раженія и отсутствіе самостоятельнаго
творчества разрѣшаются плохой копи-
ровкой тѣхъ или другихъ образцовъ и
самымъ безпардоннымъ сочинитель-
ствомъ. Страсти разрываются въ кло-
чки, выѣсто живыхъ людей получаютъ
плохо сдѣланныя маріонетки, прав-
доподобіе замысла приносится въ жерт-
ву авторскому капризу. И вотъ г. г.
«психологи» обыкновенно запутываютъ
ся до такой степени въ своихъ соб-
ственныхъ замыслахъ, что немо-
гли бы даже съ чисто выѣшней сто-
роны свести концевъ съ концами, если-
бы ихъ не выручалъ господствующій
мысль въ нашей беллетристикѣ «нѣ-
кій особенный пѣтвическій родъ», ори-
гинальность котораго заключается въ
томъ, что онъ не требуетъ ни фабу-
лы, ни начала, ни средины, ни конца.
Возьмите любую книжку любого
толстаго журнала и вы непременно
найдете тамъ какой нибудь беллетри-
стическій «очеркъ» или «отрывокъ»,
который вы можете читать и съ средины,
и съ послѣдней страницы, ничего
не рискуя потерять ни въ томъ, ни въ
другомъ случаѣ. Эти «очерки» и «от-
рывки»—по истинѣ приближеніе и спа-
сенье для громаднаго большинства бел-
летристовъ: они ни къ чему не обяза-

ваютъ, и въ минуту непреодолимыхъ
затрудненій, когда авторъ чувству-
етъ, что изъ ничего и выйдетъ ниче-
го,—могутъ быть завершены точкою или
многоточіемъ, а тамъ читатель ужъ
самъ пускай ломаетъ голову, какая
судьба постигла бы героевъ и героинь
«очерка» или «отрывка», если бы онъ
не былъ внезапно оборванъ безъ вся-
кой видной причины...

«Скучная исторія»—это и «очеркъ»,
и «отрывокъ» одновременно, и при-
томъ на психологической закускѣ.
Разсказать содержаніе «Скучной ис-
торіи» чрезвычайно мудрено. Это за-
писки стараго, знаменитаго ученаго и
профессора, который болѣлъ тѣсомъ и
собирается умирать. О чемъ же однако
говорится въ этихъ запискахъ? Обо
всемъ. Николай Степановичъ то повои-
щаетъ васъ въ тайны своего скромна-
го домашняго бюджета, то выводитъ
на сцену своего прозектора и универ-
ситетскаго сторожа, то описываетъ же-
ниха своей дочери—какого-то Гнекк-
ра, то, наконецъ, излагаетъ свои бе-
сѣды съ дочерью своего покойнаго при-
ятеля, Катей. Вы бы ни за что не до-
гадались, одолѣвъ «Скучную исторію»,
чего ради она появилась въ печати,
если бы съ первыхъ же строкъ не бро-
силось въ глаза явное, хотя и неумѣ-
лое, подражаніе «Смерти Ивана Ильича»
графа Толстого. Г. Чеховъ старался
усвоить себѣ и общій колоритъ, и безъ-
искусственную простоту, и самую идею
«Смерти Ивана Ильича». Но—а! а! а!
—что изъ этого вышло! Наборъ словъ,
безцѣльныхъ діалоговъ, цѣлая галле-
рея безжизненныхъ лицъ, безчисленное
множество плоскихъ сентенцій и не-
нужныхъ изреченій, изумительныхъ по
неправдоподобію и ничѣмъ между со-
бой несвязанныхъ спенъ. «Скучная ис-
торія»,—дѣйствительно скучная исто-
рія. Прочестъ ее отъ начала до кон-
ца значить совершить не легкій под-
вигъ и обваружить замѣчательное тер-

пѣніе; но ее все-таки лучше бы на-
зывать «Брюзжанье» болятливаго стари-
ка», тогда читатель по крайней мѣрѣ
заранѣе зналъ бы, съ чѣмъ онъ бу-
детъ имѣть дѣло.

«Брюзжанье» начинается съ первыхъ
же страницъ «записокъ».

«Я изображаю изъ себя, такъ реко-
мендуется Николай Степановичъ чита-
телю, челоѣка 62 лѣтъ съ лысой го-
ловой, съ иставными зубами и съ не-
желанными тѣсомъ. На сколько бле-
стяще и красиво мое имя, настолько
тусклъ и безобразенъ я самъ. Голова
и руки у меня трясутся отъ слабости,
шея, какъ у одной Тургеневской ге-
ройни, похожа на ручку коятрбаса,
грудь впалая, спина узкая. Когда я
говорю или играю, ротъ у меня кри-
вится въ сторону; когда улыбаюсь—все
лицо покрывается старчески мертве-
ными морщинами. Ничего нѣтъ вну-
шительнаго въ этой жалкой фигурѣ»
п т. д. и т. д.

Изъ этого лубочнаго портрета, кото-
рый начерталъ съ своей собственной
особы «знаменитый ученый», вы должны
услотрѣть по замыслу г. Чехова, что
Николай Степановичъ ко всему «орав-
нодушѣнъ», утратилъ смыслъ и чуть
не возненавидѣлъ самого себя, словомъ,
подъ вліяніемъ мысли о смерти впалъ
въ то странное состояніе, которое пе-
реживалъ и Толстовскій Иванъ Ильичъ,
вперныя на краю могилы задавшій се-
бѣ вопросъ: «зачѣмъ я жилъ?». Иванъ
Ильичъ весь свой гѣкъ тимулъ чи-
повничью лямку, Николай Степановичъ
занимался наукою. «Мнѣ отлично из-
вѣстно, говоритъ Николай Степановичъ,
какъ бы разъясняя основную задачу и
сокровенную мысль «Скучной исторіи»,—
что я проживу не болѣе полугода; ка-
залось-бы, меня должны были-бы всего
больше занимать вопросы о загроб-
ныхъ потемкахъ и о тѣхъ видѣніяхъ,
которыя посѣтитъ мой могильный сонъ.
Но почему-то душа моя не хочетъ знать

опять вопросы, хотя умъ и сознательность из-за старости. Какъ 20—30 лѣтъ назадъ, такъ и теперь передъ смертью меня интересуютъ только одна наука. Испускаю послѣдній падохъ, я все-таки буду вѣрить, что наука — самое важное, самое прекрасное и нужное въ жизни человѣка.... Вѣра эта, быть можетъ, наивна и несправедлива въ своемъ основаніи, но я не виноватъ, что вѣрю такъ, а не иначе; побѣдить же въ себѣ этой вѣры я не могу... „Мнѣ хочется прокричать громкимъ голосомъ, что меня, знаменитаго человѣка, судьба приговорила къ смертной казни, что черезъ какія-нибудь полгода въ моей аудиторіи будетъ хозяйничать уже другой. Я хочу прокричать, что я отравленъ: я былъ мистикъ, какъкъ не зналъ я раньше, отравили послѣдніе дни моей жизни и продолжаютъ жалить мой мозгъ, какъ москиты. И въ это время мое положеніе представляется мнѣ такимъ ужаснымъ, что мнѣ хочется, чтобы всѣ мои слушатели ужаснулись, вскочили съ мѣстъ и въ паническомъ страхѣ, съ отчаяннымъ крикомъ бросились къ выходу“.

Изъ этого психологическаго сѣмбуря, въ которомъ ужъ, само собою разумѣется, никто не повиненъ, кромѣ г. Чехова, вы можете убѣдиться, что идея „Скучной исторіи“ заключается въ изображеніи страннаго душевнаго состоянія человѣка, который ничѣмъ не интересовался, кромѣ своей специальности и только въ концѣ жизни, выбитый изъ колеи болѣзью и перспективою близкой смерти, начинаетъ задумываться надъ своимъ прошлымъ, подводитъ итоги всей своей жизни. Но посмотрите, что выходитъ изъ этого у г. Чехова! Начать хотя-бы съ „новыхъ мыслей“, которыя „жалить мозгъ“ знаменитаго ученаго, „какъ москиты“. Ахъ, какія это жалкія, а подъ часъ даже и комичныя мысли! Какіе это блѣдныя, карикатурныя осколки съ мыслей Ива-

на Ильича!

Герой г. Чехова жалуется на всѣхъ и на вся. Начинаетъ съ жены. „Въ недоумѣніи я спрашиваю себя: неужели эта старая, очень полная, неуклюжая женщина, съ тупымъ выраженіемъ морочной заботы и страха передъ будущимъ хлебомъ (какъ это: «страхи передъ кускомъ хлеба»?), со взглядомъ, отуманеннымъ постоянными мыслями о долгахъ и нуждѣ, улыбающаяся только о расходахъ и улыбающаяся только депривизнѣ,—неужели эта женщина была когда-то той самой тоненькой Варей, которую я страстно полюбилъ за хорошій, ясный умъ, за чистую душу, красоту и, какъ Огюст Дедмонъ, за „состраданье“ къ моей науцѣ?“. Это „москиты“ № 1-й. „Москиты“ № 2-й касаются отношеній къ дочери. „Я холодею, какъ мороженое, говоритъ Николай Степановичъ, и мнѣ стыдно. Когда входятъ ко мнѣ дочь и касается губами моего виска, я вздрагиваю, точно съ вискомъ жалитъ меня insecta, напряженно улыбаюсь и отворачиваю свое лицо“. Послѣ этого картиннаго изображенія буря, клокочущей въ душѣ Николая Степановича, мы можемъ перейти къ „москиту“ № 3, который заключается въ мысляхъ, исполненныхъ глубокаго разочарованія, объ... объдѣ, —въ мысляхъ, обличающихъ въ г. Чеховѣ поразительнаго сердцевида. „Прежде я любилъ объдѣ, говоритъ Николай Степановичъ, или былъ къ нему равнодушенъ, теперь же онъ не возбуждаетъ во мнѣ ничего кромѣ скуки и раздраженія (симптомъ глубокаго внутренняго раздвоенія!). Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ превосходительнымъ и побывалъ въ деканатѣ факультета, семья моя нашла почему-то нужнымъ совершенно измѣнить наше меню и объединение порожекъ“. Дамъ еще одну оцѣнку по поводу потезновенія процитированныхъ и выведенныхъ сущностей —пуре и почками въ мадерѣ, а также по

поводу изгнанія горничной Агаша, и вorenія вмѣсто нея, ради пушаго стократизма, лакея Егора. „Антонъ (за объдомъ) коротки, но кажутся мнѣ длинными, потому что изъ чѣмъ наполнять... Нѣтъ уже болѣе у меня привычки отъ... Агаша, и каша, разумѣется, служивать воплей, но мы постелью недоумѣваемъ, неужели „москиты“ № 3! Столь ужасенъ, что шателямъ знаменитаго профессора лежитъ „вскочить съ мѣстъ и въ паническомъ страхѣ, съ отчаяннымъ крикомъ броситься къ выходу“. Всеніе Николай Степановичъ упоминаетъ о „москитахъ“ № 1—о разочарованіи своей знаменитости и въ своемъ тайномъ совѣтникѣ. „Я навѣсь думаю, онъ, сидя въ № Харькова гостиницы, мое имя произноситъ благоговѣющимъ, мой портретъ бьетъ въ „Нивѣ“ и во „Всемирной иллюстраціи“, свою біографію я читалъ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ—и что этого? Сажу я одинъ одинешенекъ чужомъ городѣ, на чужой кресту ладовью свою большую семейную драгу, немилосердіе дятловъ (подъ „кредиторами“ подразумевается, впрямь, лакей Егоръ, которому герой г. Чехова задолжалъ несколько тысячъ; судя по требованію, однако, сказано, что своей жалованья не требовалъ, а кто немилосердіе къ барину не руживалъ), грубость желѣзнодорожныхъ прислуги, неудобства паспортной темы, дорогая и нездоровая пашабуфетахъ, вообще невѣжество и бость въ отношеніяхъ—все это и кое другое, что было-бы слишкомъ го перечислять, касается меня и не, какъ Николай Степановичъ, и не го только своему переулку. Въ же выражается исключительность го положенія? Какъ видите, „мос-

№ 4 лишен всякой оригинальности и заключается в рабѣ, толь-же мало трагическаго, какъ и „оскитъ“ № 3. Не трудно замѣтить, что тирада знаменитаго ученаго есть ничто иное, какъ вариация на философствованіе Гоголевскаго поручика Пирогова, который, ложась послѣ обѣда на диванъ, говаривалъ обыкновенно: „Охъ, охъ! суета, все суета, что изъ этого, что я поручикъ?“. И поручикъ, говоря откровенно, былъ порядкомъ логичнѣе героя г. Чехова: отъ такихъ мыслей онъ не приходилъ въ отчаяніе и не требовалъ, чтобы его друзья и знакомые „вскакивали съ мѣстъ и въ паническомъ страхѣ съ отчаянными криками, бросались къ выходу“.

Вообще, прочитавъ „Случную исторію“, вы совершенно недоумеваете, какія это „новыя мысли“ отравили „послѣдніе дни жизни“ знаменитаго ученаго и „зачѣмъ его возмъ, какъ москиты“. Въ этихъ „мысляхъ“ ничего нельзя найти, кромѣ безпричиннаго нытья и брюзжанья, благодаря чему Николай Степановичъ выходитъ не тѣмъ героическою фигурою, ужасною въ своемъ равнодушіи ко всему живому, какъ хотѣлось бы г. Чехову, а нашимъ старымъ знакомымъ изъ „Евгенія Онѣгина“. Помните?

Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель двумъ сестрицамъ данный,
На дождь журчающій, на войну,
На снѣгъ, и на свою жену.

Вотъ такъ и „знаменитый“ ученый, принимающій губы дочери за пчелиное жало. У него—

... сердитый видъ,
Но вы не бойтесь, онъ на дождь сердить.

Это замѣтно и изъ безчисленныхъ изреченій и сентенцій, которыми уснащена „Случная исторія“, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы она казалась еще скучнѣе.

На стр. 80 находимъ трактатъ объ учености... университетскихъ сторожей. „Кстати сказать, совершенно неожиданно замѣчаетъ „знаменитый ученый“, толки объ учености университетскихъ сторожей сильно преувеличены. Правда, Николай знаетъ больше сотни латинскихъ названій, умѣетъ собрать скелетъ, иногда приготовить препаратъ, разсмѣшить студентовъ какой-нибудь длинной ученой цитатой, но, напри- мѣръ, незамысловатая теорія кровообращенія для него и теперь также темна, какъ и 20 лѣтъ тому назадъ“. Разнатытъ авторитетъ университетскихъ сторожей, „знаменитый ученый“ не оставляетъ безъ обличенія и театральныя капельдинеровъ. „По моему мнѣнію, глубокомысленно замѣчаетъ онъ, театръ не сталъ лучше, чѣмъ онъ былъ 30—40 лѣтъ тому назадъ“ (Замѣтимъ въ скобкахъ, что „знаменитый ученый“ могъ бы и не употребить такихъ выраженій, какъ: „театръ не сталъ лучше, чѣмъ онъ былъ“).

Финаломъ, долженствующимъ окончательно удостовѣрить, что „знаменитый ученый“ „ораводушѣнъ“ до пес plus ultra, является свиданіе Николая Степановича съ Катей, о которой мы уже упоминали. Свиданіе это происходитъ въ то время, когда Николай Степановичъ сидитъ въ М Харьковской гостиницы (въ Харьковѣ онъ пріѣхалъ для того, чтобы навести справки о Геккертѣ), и происходитъ совершенно неожиданно. Впрочемъ, васъ это не должно смущать, потому что у Кати, какъ и у Хлестакова, „все вдругъ“: по крайней мѣрѣ г. Чеховъ аттестуетъ ее, какъ особу въ высшей степени эксцентричную. Между нею и „знаменитымъ ученымъ“, который былъ нѣкогда ея опекуномъ, происходятъ во времена слѣдующія разговоры:

— Николай Степановичъ, вѣдь я отрицательное явленіе? Да?

— Да! отвѣчаю я.
— Ты... Что же мнѣ дѣлать?
Ник.
— А ты все лежишь? Эгонез дорово. Ты бы занялась чѣмъ-нибудь!

— Ты бы, говорю, занялась чѣмъ-нибудь.

— Чѣмъ? Женщина можетъ быть только простой работницей или актрисой.

— Ну, что-жъ? Если нельзя въ работницѣ, иди въ актрисы.

Молчитъ.

— Замужъ бы выходила.

— Не за кого, да и не зачѣмъ

— А такъ жить нельзя.

— Безъ мужа? Велика важность! Мужинѣ сколько угодно, была бы охота. Но притому ли въ театральныя коридоры, ли въ фойе и никакъ не могу найти стакана чистой воды. По прежнему капельдинеры штрафуютъ меня за мою пѣту на двуперснанный, хотя въ пошеніи теплаго платья зимомъ нѣтъ ничего предосудительнаго.

Дѣлвно сказано! Будемъ надѣяться, что театральные капельдинеры удостоятся своей алчности и поймутъ, что „въ театральномъ теплаго платья зимомъ“ дѣйствительно „нѣтъ ничего предосудительнаго“.

Но довольно въ изреченіяхъ и сентенціяхъ, переходимъ къ двумъ эпизодамъ, которыми завершаются „Записки“.

Первый эпизодъ—бѣгство дочери знаменитаго ученаго и тайный выходъ ея замужъ за Гнеккера. Никонимъ образомъ нельзя сказать, что побудило ее на этотъ романческій шагъ. Мать не только ничего не имѣла противъ ухаживаній Гнеккера, но даже вслѣдствіе поощряла ихъ. „Знаменитый ученый“ хотя и не жаловалъ своего будущаго зятя, но и не протестовалъ противъ его матримоніальныхъ затѣй. И вдругъ...

Но не будем удивляться: во-первых, него на обвѣтъ не биваетъ? а во-вторыхъ, въ одномъ водевилѣ молодёжь институтка не иначе соглашается выйти замужъ за своего обожателя, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ укралъ ее и при томъ не иначе, какъ черезъ окно! Помогите, восклицаетъ она, да зачѣмъ же красть, когда ваши родители согласны на этотъ бракъ? „Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчаетъ она: не хочу, ни за что не хочу иначе; вы должны украсть меня и непременно черезъ окно.“ Кромѣ того, г. Чехову нужно было показать, что его герой совершенно „ораводушѣлъ“; для этого необходимо было обрушить на него какое-нибудь экстраординарное несчастье. Побѣгъ дочери, хотя и ничѣмъ не мотивированный, былъ тутъ болѣе тѣмъ богатъ...

Но переходимъ къ финалу, состоящему изъ діалога между вотъ этими самыми „отрицательнымъ явленіемъ“ и „знаменитымъ ученымъ и профессоромъ“, который, по замыслу г. Чехова, ко всему „ораводушѣлъ“, даже къ своему придворному цѣтуху, который его будилъ своимъ крикомъ и котораго онъ поэтому называлъ „благовѣстителемъ“ (стр. 75).

— Здравствуйте, говоритъ Катя, тяжело дыша отъ ходьбы по лѣстницѣ. Не ожидали? Я тоже.... тоже сюда прѣѣхала.

„Она садится и продолжаетъ, заикаясь и не глядя на меня:

— Что же вы не здоровааетесь? Я тоже прѣѣхала... сегодня. Узнала, что вы въ этой гостинницѣ и пришла къ вамъ....

— Очень радъ видѣть тебя, говорю я, пожимая плечами, но я удивленъ... Ты точно съ неба свалилась. Зачѣмъ ты здѣсь?

— Я? Такъ... просто взяла и прѣѣхала.

„Молчаніе. Вдругъ она порывисто встаетъ и идетъ ко мнѣ (треницисте).“

— Николай Степановичъ! говорить она, блѣднѣя и сжимая на груди руки. Николай Степановичъ! Я не могу дальше такъ жить! Не могу! Ради истиннаго Бога скажите скорѣе, сію минуту: что мнѣ дѣлать? Говорите, что мнѣ дѣлать?

— Что же я могу сказать? недоумѣваю я. Ничего я не могу.

— Говорите же, умоляю васъ! продолжаетъ она, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ. Клянусь вамъ, что я не могу дальше такъ жить! Силъ моихъ нѣтъ!

„Она падаетъ на стулъ и начинаетъ рыдать. Она закинула назадъ голову, ломаетъ руки, топчетъ ногами; шляпка ея свалилась съ головы и болтается за резинку, прическа растрепалась.“

— Помогите мнѣ! Помогите! умоляетъ она. Не могу я дальше

— Ничего я не могу сказать тебѣ, Катя, говорю я.

„Я растерялся, сконфузился, тронуться рыданиями и едва стою на ногахъ.“

— Данаи, Катя, завтракать, говорю я, вставуто улыбаясь. Будетъ плакать!

„И тотчасъ же я прибавлю упавшимъ голосомъ:

— Меня скоро не станетъ, Катя...

— Хоть одно слово, хоть одно слово! плачетъ она, протягиваетъ ко мнѣ руки. Что мнѣ дѣлать?

— Чудачка, право... бормочу я. Не понимаю! Такая умница и вдругъ на тебѣ! расплакалась...

„Наступаетъ молчаніе. Катя поправляетъ прическу, надѣваетъ шляпу, потихоньку комкаетъ письма и суетъ ихъ въ сумочку, и все это молча и не спѣша. Лицо, грудь и перчатки у нея мокры отъ слезъ; но выраженіе лица уже сухо, сурово.... Я глажу на нее и мнѣ

отиди, что я счастливѣе ея. Оторвавъ того, что мои товарищи философы называютъ общей идеей, я запитилъ въ себѣ только незадолго передъ смертью, на закатѣ своихъ дней, вѣдь душа этой блѣдашки не знала не будетъ знать пріюта всю жизнь, во жизнь!“

Въ заключеніе „знаменитый ученый“ еще разъ предлагаетъ Катѣ позавтракать, она еще разъ отказывается, уходитъ, а г. Чеховъ влагаетъ Николаю Степановичу въ уста восклицаніе „прощай, мое сокровище!“ Вы догадываетесь, что растерянность „знаменитого ученаго“ передъ Катей и его поведенія свернуть дѣло на завтракъ знаменуютъ его душевную пустоту, какъ плодъ „отсутствія общей идеи“. Приходъ онъ сего находилъ въ себѣ силъ совѣтовать „отрицательному явленію“ поступать на сцену или выйти замужъ, а теперь, подъ вліяніемъ „москитовъ“, онъ только и можетъ предложить „давай завтракать“. Сказать ли вамъ, г. Чеховъ, по секрету, кого напоминаетъ вамъ „знаменитый ученый“? Онъ напоминаетъ не человека, который „истерзанъ москитами“, а безхарактернаго дурачка,—и только. Вы хотѣли, чтобъ у читателя бѣгали мурашки по тѣлу отъ истерическихъ воплей „отрицательнаго явленія“ и усиленнаго приглашенія Николая Степановича позавтракать но—увы нахъ!—вся эта сцена вымываетъ только недоумѣніе и улыбку. Не вольно спрашиваетъ себя:

Да иль чего бѣснуетъ вы столько?

Не легкое дѣло „психологическій анализъ“ и горе тѣмъ беллетристамъ, которые берутся за него „безъ долгой думы!“ Кромѣ „Скудной (да-да, это такая скудной!) исторіи“ у нихъ ниче не выйдетъ!..

М. Ч.